

читатель вмѣстѣ съ нами пожалѣетъ, что Кудрявцеву не суждено было осуществить надежду „въ другое время, если представится случай, раскрыть эту мысль подробнѣе“.

Съ неменьшимъ интересомъ прочтется въ наше время другая рецензія Кудрявцева — на диссертацию Ешевскаго: „Аполлинарій Сидоній“. Въ этой рецензіи, можно сказать, бьется живой пульсъ времени, которому она принадлежитъ. Напечатаніе книги Ешевскаго встрѣтило препятствія со стороны факультетской цензуры, и авторъ долженъ былъ пожертвовать изъ-за этого чуть не цѣлой главой своего труда ¹⁾. Виновникомъ такой странной для ученаго учрежденія мѣры былъ деканъ факультета С. Шевыревъ. Несмотря на большія способности и заслуги его, какъ профессора, Шевыревъ игралъ незавидную роль въ исторіи московскаго университета. Болѣе литераторъ, чѣмъ ученый, воспитанный въ понятіяхъ Мерзляковской эпохи, когда катедра русской словесности была катедрой *элоквиумъ*, онъ по натурѣ, преданію и служебному честолюбію сталъ *риторомъ* на кафедрѣ. Буквально, *воспѣвая* на лекціяхъ красоты Гомера, Данте, Шекспира и т. д., онъ въ перемежку обличалъ Западъ въ *мнѣніи*, говорилъ о безбожности политической экономіи, которая заботится о богатствѣ вопреки тексту Св. Писанія: „ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ — и дѣлалъ озлобленныя выходки противъ „Отечественныхъ Записокъ“, „заразившихся гнѣніемъ Запада“. Студентовъ это очень забавляло, но трудно было жить при такомъ деканѣ профессорамъ, знавшимъ истинную цѣну наукъ. Наука тогда не пользовалась благосклонностью власти, а Шевыревъ тоже по убѣжденію и по личнымъ антипатіямъ былъ слишкомъ склоненъ проникаться духомъ времени.

Къ счастью, эта слащавая и ходульная риторика, щеголявшая въ плащѣ патріотизма, не загасила живой струи свѣта, которая проливалась тогдашнимъ преподаваніемъ исторіи. Доказательствомъ этому можетъ послужить книга Ешевскаго. Совершенно справедливо привѣтствовалъ ее Кудрявцевъ, какъ признакъ того, „что всеобщая исторія понемногу спѣетъ у насъ и начинаетъ приносить свои плоды“... „Мы всегда были за нее и радуемся каждому новому ея успѣху. Намъ всегда пріятно было думать, что рядомъ съ дѣятельною разработкою русской исторіи

¹⁾ Если книга Ешевскаго пострадала отъ университетской цензуры, то рецензія на нее Кудрявцева подверглась урѣзкамъ отъ цензуры общей. У покойнаго Ешевскаго былъ экземпляръ рецензіи, пополненный съ рукописи, но, къ сожалѣнію, самая рукопись не сохранилась.